ЛЕОНИД ЛЕВИН

Власовцы: миф о благородных рыцарях

В последнее время участились попытки ряда литераторов и активистов некоторых политических партий оправдать и реабилитировать власовское движение. В свет выходят книги, авторы которых приписывают и самому генералу Власову, и его окружению некие благородные цели, представляют их в качестве идейных борцов со сталинским режимом и бескорыстных патриотов России¹. Дело доходит до того, что в радиоэфире на всю страну звучат рассуждения о «нравственном значении власовского движения», российских граждан призывают учиться у власовцев тому, «как можно обрести человеческое достоинство в самых тяжелых условиях»².

В сочинениях современных мифотворцев власовцы предстают чуть ли не рыцарями без страха и упрека, которые ничего, кроме хорошего, не замыслили и ничего плохого не совершали. Эткие милейшие люди, оружия против союзников и собственно го народа никогда не поднимавшие и

понапрасну «красными врунами» оклеветанные. Благородные невольники чести, имевшие лишь одну великую цель — создание сильной, единой и демократической России без Сталина, коммунистов и Советов.

Чтобы попытаться восстановить истину, вычеркнем «красных клеветников» из списка свидетелей и предоставим слово самим власовцам. Правда, оставили они после себя не столь богатое литературное наследие. И это понятно: писать о своем предательстве сложно и неприятно, проще забыть и попытаться начать жизнь с чистого листа. Тем ценнее воспоминания одного из власовских офицеров, названные простенько и со вкусом — «Изменник»³. Автор — Владимир Герлах. Подготовлена книга канадским издательством С.Б.О.Н.Р., а напечатана в Бельгии. На первой же странице фотография, видимо, нежно хранимая с тех давних времен, когда автор командовал Восточным батальоном и сражался на стороне гитлеровской Германии. Указано место действия — Невер, Франция. И время — июль 1944 года. Свежая могилка на заднем плане. А на переднем — автор в мундире гитлеровского офи-

¹ См., например: **Г. Попов.** Война и Правда. Цена Победы; **он же.** Вызываю дух генерала Власова; **К. Александров.** Армия генерала Власова; **он же.** Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта Власова. 1944–1945 и др.

² См. www.echo.msk.ru/blog/alex_melnikov_yabloko/644509-echo/

³ **В. Герлах.** Изменник. Брюссель, 1969.

цера отдает последнюю честь павшим бойцам 654-го Восточного батальона. Очень романтично и трогательно... На старости лет человек предался воспоминаниям о боевой романтической молодости, проведенной в рядах доблестных и бескорыстных борцов за свободу и счастье России-матушки.

Итак, дадим высказаться отставному гитлеровскому обер-лейтенанту из Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова и посмотрим, что он лично счел возможным и потребным сообщить, то бишь оставить на память, будущим поколениям патриотов.

Следует предупредить читателя: воспоминания отставного обер-лейтенанта — не легкое чтение. Автор явно не из числа поклонников российской литературы, грамматики и даже орфографии. Господин Герлах косноязычен, эмоционален и очень любит произвольно рассеивать по тексту восклицательные и вопросительные знаки — штук по 20—30 на страницу. Но в данном случае важен не стиль, а содержание. Ясно, что редакторской правкой в книге не пахнет. Все исключительно подлинное, первоизданное.

Второй том воспоминаний начинается с житья-бытья Восточного полицейского батальона в оккупированной немцами русской деревушке. Серые будни... То пополняется новым крестом военное немецкое кладбище, то перебегает кто-то неблагодарный к партизанам, то партизаны нападают, мешают проводить запланированные мероприятия. Вообще, не дают разные нехорошие люди спокойно жить блюстителям «нового порядка». В лес переправляют медикаменты и бланки документов, роятся в вещах начальника — нехорошо себя ведут, одним словом. И где же, удивляется автор, знаменитое российское хлебосольство?

А ведь как хотелось, как мечталось, все перестроить, все улучшить на но-

вый, немецкий лад, навести наконец порядок в русском бардаке! О своих мечтаниях автор сообщает на странице 64: «Большевики, во всяком случае, будут разбиты первые, Германия, может быть, потом! И тогда милости просим к нам в освобожденную Россию. Я вас никому в обиду не дам».

Вот, оказывается, в чем суть! Неясно, правда, кто же это после разгрома большевиков разобьет победоносную Германию? Уж не восточные ли батальоны генерала Власова, созданные как вспомогательное германское войско, как туземные войска (einheimische Truppen)? И о какой России идет речь, если в 1942 году сам Власов провозглашал: то, что останется от России, должно стать авторитарным государством, «доминионом, протекторатом или государством... с временной или постоянной германской оккупацией». И включено оно будет в нацистский мировой порядок во главе с самим генералом в роли военного диктатора. Вот вам, бабушка, и «освобожденная Россия». Но пойдем дальше. Вновь читаем труд В Герлаха.

«Жили мирно и благословляли товарища белогвардейца (автора, надо полагать. — Л. Л.) и делились своими думками. Шульце сдох, со своими душегубами на мину наехал. Галанин так все хитро обдумал, что сам в белом кителе с переводчицей цветочки рвал, на солнце грелся, пока Исаев Шульцу кончал! А Исаева, когда тот свое задание выполнил, тоже убить приказал! И не только его, но и всех, кто так или иначе был виноват там в смерти его любовницы, и тех кто ее сам мучил и резал, Красникова с его жидами и папашу с веселыми, старосту Савку и Таисию! И когда был внезапно расстрелян по приказу Шубера полицейский Жердецкий, весь город ахнул и многие даже смеялись! ...Суд был скорый и правый. Привели Жердецкого на Черную балку и там пустили в расход, неизвестно за что!»

Оказывается, очень даже мирная карнавальная жизнь шла при оккупантах и власовцах! А вся беда была в том, что «веселые и евреи не были настоящими партизанами, а простыми жестокими бандитами». Вот ведь как! Зачем веселые и евреи немцев и власовцев обижали? Ну, ладно евреи — они и так во всем всегда виноваты, но веселые-то при чем?

Не следует думать, что жизнь власовцев была легка и беспечна. Были, конечно же, были у полицейского батальона и трудовые будни: «На другой день комендант города Шубер приказал выгнать всех совхозников из совхоза “Первое Мая” на Черную балку закапывать как следует расстрелянных коммунистов, Жердецкого и евреев, по улицам города ходили полицейские, ловили бродячих собак... постреляли там и в воду сбросили». Вот, бродячих собак отлавливали, в воду побросали, город очистили... Сначала от евреев и веселых, заодно от Жердецкого, потом — от собачек. И трупы закопать заодно. Проследить. А как же иначе, господа? Ведь не сорок первый год уже — сорок второй на дворе! Уже проделки карнавные, радостные потихоньку скрывать приходилось. Это ведь раньше можно было и так, попростому. Пострелять и побросать на песочке прибрежном, а теперь — закапывать! А ведь как мечталось!

Казалось, вот-вот все хорошо и спокойно пойдет во власовском царстве-государстве, ан нет. В солнечный тихий день герой повествования спокойно изволил откушивать обед в офицерском собрании, но налетел советский самолет, сбросил бомбу и прямым попаданием разорвал на кусочки хорошего человека и прекрасного друга — немецкого полковника фон Розена! Ох, эти безжалостные советские летчики! Собирался немецкий полковник с русского фронта убыть в долгожданный отпуск в родной Фатерланд,

отдохнуть от военной страды, а его на две половинки! Автор явно ждет от читателя соболезнавания. Вот только дождется ли?

Дальше — совсем плохо дела пошли: «Неудачи немцев на Восточном фронте множились везде, на горных перевалах кавказских гор, в Калмыцких степях, у Сталинграда и дальше на север... Целые области были охвачены партизанским движением». Автор так надеялся после победы доблестной немецкой армии получить за свои «подвиги» по полной, но, увы, вермахт и СС не смогли оправдать возлагавшихся на них надежд.

Бедные, несчастные, добрые и ласковые русские люди, проживавшие на оккупированных территориях, вдруг начисто забыли все доброе, все хорошее и радостное, сотворенное немцами и власовцами. Наоборот, вспомнили предков, бивших тевтонов на Чудском озере и невских берегах: «Торопились доказать, что были не хуже этих чудо-богатырей и доказывали, очень даже просто и легко, с улыбкой умирая за родину! Удивляли и ужасали немцев своим презрением к смерти, улыбаясь, шли на казнь и говорили, что умирают за Сталина! Его вдруг полюбили... И в церквах попы снова завопили многие лета вождю Сталину!» Автору чудно и непонятно, почему встречали немцев с цветами, с плакатами «Гитлер освободитель», а через недолгое время отоварили по бокам дубиной народного гнева? Впрочем, свидетельство врага многого стоит. Ясно, что непрощенные освободители так допекли народ, что даже тов. Сталин с НКВД и ГУЛАГом показались на этом фоне чуть ли не Георгием Победоносцем, разящим страшного змия. Все, как говорится, познается в сравнении.

Заняли партизаны город, и автор дает описание происходящих событий очень подробно, даже несколько

одобрительно, почти с немецкой педантичностью: «Не мучили, не били и животов не вспарывали, ставили штемпель против фамилии преступника (замешанного в сотрудничестве с оккупантами. — Л.Л.) и отводили его или ее к толпе остальных виновных, а когда их набиралось достаточно, вели на берег и там кончали точно и просто пулей в непокорный затылок и пускали потом плыть». Поверить можно было бы, но... Уж с очень большим знанием дела автор описывает события, присутствовать на которых и стать живым свидетелем их он никак не мог, ибо сам поплыл бы в этом случае первым с пулей в затылке. Так что, скорее всего, излагает не партизанский, а собственный карательный опыт, накопленный в такого рода делах. Память ненавязчиво движет пером мемуариста. Все легко и просто, стоит только полицаев и немцев заменить на партизан. Всего-то дел! Вспомним, как живо описывал он чуть раньше процесс «кончания» всяких веселых, евреев и Жердецкого на Черной Балке.

Впрочем, учитывая позицию автора в вопросе о России и время написания воспоминаний, становится понятно, зачем для полного баланса Герлах приводит далее описание зверств немцев после временного изгнания партизан: «А немцы побежали по указанному адресу, действовали точно и быстро. Корову тут же убили выстрелом в ухо. Тетю Маню, так и не научившуюся говорить по-немецки, выгнали из хлева и коваными сапогами прогнали в подвал... налили на пол бензина из принесенных бидонов и подожгли».

Читаешь и чувствуешь невольный трепет, когда автор подспудно, непроизвольно восхищается точностью и пунктуальностью экзекуции. Прибили одним выстрелом, припасли бензин. Корову — на мясо. Мясо, естественно, не ворованное, а трофейное, у тетки

с боем отвоеванное. Тетю Маню — на тот свет в персональном крематории. Учить немецкий надо было вовремя, тетя!

Знает, знает предмет, господин власовец! И как мило звучит в этом плане пассаж из велеречивого власовского «Обращения Русского Комитета... ко всему русскому народу» от 27 декабря 1942 года. Бедная тетя Маня, она померла, но так и не поняла, что «Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу».

Пропустим пару десятков трудно читаемых страниц, заполненных попытками душевного самоанализа, любовных потуг и прочего.

Звучит походная труба, и приходит пора автору всерьез повоевать. Жизнь заставляет. Герлах, он же герой повествования, попадает в переделку, где вместе с немцами участвует в разгроме партизанского отряда: «Остатки взвода вешали на рассвете пойманных партизанских командиров на столбах железнодорожной станции, потом продолжали пьянствовать. Пели немецкие песни, обнявшись со своим командиром, ходили по улицам и задевали испуганных сестер милосердия! Настоящая банда!» Что тут добавить — автору, конечно же, виднее. Но как сладостно в старости вспоминать, ах, как сладостно! Прямо так и видишь блаженную улыбку, растягивающую беззубый морщинистый рот старого вояки...

Добрый, грубоватый немецкий генерал, вешая на шею автора-героя честно отработанный Железный крест, причитал: «Нам такие нужны для проклятых восточных батальонов... Душой и телом он сейчас немец! И будет служить нам не за страх, а за совесть! И умрет за Великую Германию! Умрет с радостью!

Умрет с радостью за великий рейх и великого фюрера!» Надо же, немец, а расколот суть дела. А то бредятина всякая вроде «пусть сначала немцы победят, а потом пусть немцы проиграют». Бред, господа, бред! Все ясно и просто: восточные батальоны власовцев грудью за великого фюрера!

Наивный читатель, возможно, спросит: «Постойте, это же все восточные батальоны, полицаи, а где же РОА, где же генерал Власов?» А вот и они! На странице 200 появляются потихоньку из камуфляжа восточных батальонов: «В центре двора стояли двое — высокий немецкий фельдфебель... рядом с ним маленький худощавый русский офицер в форме РОА, странной смеси немецкого мундира, русских погон и петлиц, в немецкой фуражке с русской кокардой». Хочет того или нет, но автор дает убийственный портрет РОА. Лучше не придумаешь.

Командир батальона РОА «не спал со вчерашнего дня и кутил в обществе трех русских девушек, работающих на кухне, и двух жандармских унтер-офицеров, в прошлом известных крупных землевладельцев из Восточной Пруссии, людей умевших и любивших развлекаться. Они устроили нечто вроде афинской ночи, сидели в одном белье за большим столом, на котором танцевали красивые полуголые девушки». Праздновали важное событие: «Вернулся несколько дней тому назад из карательной экспедиции. Она была удачной: удалось разбить и прогнать далеко к фронту партизанские банды, сжечь и сровнять с землей целый район. Население было частью уничтожено, оставшихся в живых прогнали вслед за бегущими партизанами, на верную смерть в осенних лесах». Вот так-то, сегодняшние радетели власовцев и их доблестного генерала. Это — подлинные слова одного из них. Господин Герлах решительно смел ветхий покров красоты и сантиментов.

Вот и судите, кто они, власовцы, что они делали в России, с кем и за что воевали.

А вот оценка их немцами: «Ведь почему они у нас служат? Из-за питания! Водки! Махорки! За штаны и сапоги! А пообещают им партизаны немного больше, перебегут к ним и нас с вами перебьют». А нынешние сочинители мифов о власовцах, что называется, на полном серьезе рассуждают о рыцарстве, нравственности и благородстве! О высоком! О России!

Некоторые наивные читатели до сих пор считают, что власовцы со «своими» не воевали, перебежали, сдавались в плен. Но перед нами записки свидетеля. Он с нескрываемой гордостью сообщает, что недооцененные немцами части РОА сражались отчаянее их лучших охранных батальонов: «Удивительно, что разбиты и обращены в бегство были наиболее надежные немецкие охранные части, бежали так далеко в лес, что их с трудом собрали на следующий день. А эта распущенная, разложившаяся и спившаяся рота почему-то исполняла приказания немцев и нанесла огромные потери пораженным партизанам».

Радуя современных почитателей генерала Власова, автор из далекого прошлого вещает, раскрывая, в чем же заключался секрет такого воинского усердия: «Как с ума сошли все бойцы РОА и вымещали на партизанах всю свою злобу и ненависть к немцам!» Вот так-то: бей своих! Вымещай злобу! Делай это с усердием и прилежанием во имя будущей свободной и демократической России. Там через годы оценят наконец-то твое безумное бдение и смертельный, прошибающий до позвонков пот ежеминутного страха. Отрабатывай честно и решительно каждую «дойче марку», каждый глоток шнапса и затяжку эрзац-сигаретки. Тем более что и сами немецкие хозяева срывали злость за поражения на фрон-

тах на жителях тыла. Власовцам было у кого учиться.

Между тем цена немецкой пайки становилась все более высокой: «На фронте, в грязных окопах, полных крыс и вшей, плохо было лежать под ураганным огнем русских катюш, которые уже часто совершенно заглушали немецкую артиллерию. Катюши оказались гораздо неприятнее и зловещее, чем немецкие туманометы (видимо, имеются в виду реактивные минометы — так называемые “ишаки”. — *Л.Л.*), кроме того, у них (то есть у Красной армии. — *Л.Л.*) появилась вдруг неплохая авиация! Вообще пахло на Восточном фронте очень неприятно, а тут появились слухи о переводе восточных батальонов во Францию, где было пока совсем тихо, кулыгурно...»

Теперь попробуем прояснить подоплеку перевода воинства РОА на Запад. Вплоть до высадки союзников в июне 1944-го Франция считалась местом отдыха и переформирования потрепанных в боях и отличившихся на Восточном фронте частей. Передислокацию во Францию нужно было заслужить! И власовцы честно отработали отдых — дрались отчаянно. Когда так сражались немцы, можно и нужно называть это воинской доблестью. Они бились, вольно или невольно, но против чужих. Власовцы же сражались против своих, на стороне врагов, что во все времена называлось воинской изменой, предательством. Просто и однозначно.

Собственные похождения на земле оккупированной Франции автор скромно озаглавил «Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?». Сразу видно, что изящная словесность человеку не чужда. Да, тут ни прибавить — ни убавить! Разве что пару слов — «в дурном сне...». Познакомимся же с похождениями бравого обер-

лейтенанта РОА Герлаха на земле прекрасной Франции.

...Два часа перепуганные жители французского городка наблюдали похожий на налет орды марш РОА. За зиму постоя в городке случилось много неприятностей, особенно с женским населением (вспомним в связи с этим причитания современных мифотворцев о насилии Красной армии на территориях, освобожденных от гитлеровцев): «Все чаще приходилось отдаваться волей или неволей новым оккупантам, да и по лавкам шарили ловкие быстрые руки». Шарили не только «ловкие быстрые руки» борцов за «свободную демократическую Россию». Бедные французы даже обратились с просьбой к немцам вернуть охранный батальон. Нет, не поняли они, что так у власовцев выражалось святое чувство ненависти к Сталину. Просто вместо бойцов Красной армии попадались под скорую быструю руку все больше французы и особенно француженки. А то, что крали, — так ведь плохо лежало! Красть — крали, но немецкие власти власовцев за подобные шалости не наказывали. Хоть и туземцы, но свои!

На жалобы французов немцы вежливо отвечали: «Ведь эти русские, они самые лучшие, что мы могли найти в России, так сказать, сливки общества!» Без комментариев, читатели! Без комментариев! Пусть лежит сие изречение на совести обер-лейтенанта РОА Герлаха и немецких офицеров.

Однажды герой, ставший к тому времени уже довольно большим начальником, сидел в штабе и тихо предавался светлым мечтам. Например, мечтал, как бы стереть границу между Германией и Россией. (В конце войны ему нечто подобное удалось — хоронил немцев и власовцев в одной могиле, навалом. Но это было позже.) Мечтания оказались прерваны вызовом в штаб. С чего бы это, удивился бравый

офицер? «Может, их батальон, как и все другие, получил приказ отправиться на Восток в распоряжение генерала Власова, который, наконец, нашелся и начал даже отдавать приказы. Батальоном будет командовать он сам. Может, получит даже более высокую должность».

Все оказалось до безобразия проще. В штабе сообщили, что вынужденное безделье закончено! «Сегодня на рассвете союзники высадились на нормандское побережье! Слава Богу и нашему фюреру! Наконец, мы имеем возможность навсегда покончить со всеми этими иудо-капиталистами! Хайль Гитлер!»

Вот так! Слава Богу и «Хайль Гитлер»! А то застоялись власовцы в тылу. Но в Нормандию их пока не послали, а отправили доблестное воинство РОА на борьбу с французскими партизанами — макиссарами («маки»). Совместно с немецкими охранными батальонами и гестапо власовцы должны были организовать кулак для крупной карательной операции. Пока готовились — «маки» их опередили и перебили целый взвод власовцев. «Погибло сразу тридцать человек, нарвавшихся на засаду, глупо, бесславно (как будто где-то власовцы гибли со славой. — Л.Л.) — за них нужно было отомстить!» Вот за власовцев и собрались мстить гестаповцы, эсэсовцы, петэновцы и прочие «лучшие» люди.

Легкой прогулки не получилось. С колокольни по оккупантам открыли огонь из пулемета французы под руководством местного кюре Пишо. Автор считает, что подобный поступок свидетельствует о том, что «мосье выжил из ума по старости или выпил слишком много вина». Так незамысловато власовец понимает суть Сопротивления. Силы сторон оказались слишком неравными, и, придя в себя после первого испуга, каратели открыли по «маки» огонь из орудий. С

криками «Вив ля Франс!» французы погибли. (Тут придется опустить излишне натуралистические детали и подробности.) Власовцы «крадучись поднялись на площадку, где висели колокола, сразу прикончили еще живых мальчишек, с удивлением смотрели на лицо убитого кюре... Со злобой дали очередь в уже холодный труп, перекидывали трупы через разбитую стену колокольни, забрали исправный пулемет и автоматы и полезли вниз». Вот ведь дисциплинированные вояки: трупы скинули, а оружие осторожно снесли. Чувствуется германская выучка.

Затем, как водится, перебили заложников и под стоны умирающих пошли грабить «зажиточных и бережливых» французов. Впрочем, неорганизованный грабеж автор не поощряет, а потому лично организывает бордель, отвлекая солдат от самодеятельности телами самоотверженных помощниц из местных проституток. Конфискация в пользу рейха — святое дело, но заниматься слишком вульгарным мародерством — некрасиво! Видимо, на команды и увещевания пьяненькая от крови и вина власовская орда уже не реагировала. Пришлось возводить последнюю линию защиты из шлюх.

Тут на сцене появляется зверски изнасилованная власовцем на глазах матери десятилетняя девочка. (Почему-то именно десятилетних в книге периодически насилуют в различных ситуациях. С чего бы это?) Доблестный автор не дрогнувшей рукой из маузера расстреливает преступника. «Не берите пример с немцев, — призывает автор. — Вспомните нашу родину, будьте достойными ее сынами!» Вот как! Вдруг вспомнилась родина! А где она теперь, его родина? Кстати, опять приходится вспомнить о «зверствах» Красной армии и предположить, что очень многие из них творили переодетые в советскую военную форму

власовцы, благословленные господами Гиммлером и Геббельсом, то есть в прямом смысле «взявшие с немцев пример».

Описывая бои и походы, автор иногда заговаривается, проскальзывает привычная с военных времен терминология: «Прошли в горы благополучно, если не считать короткой схватки с террористами на петле возле Арлефа». Понятно, читатель? Партизаны, «маки» — это, оказывается, террористы, а автор с его батальоном власовцев — защитники России, Франции, свободы и демократии. А потому, что с ними, террористами, цацкаться, в плен брать? «Поймали и застрелили мальчишку, который даже не успел бросить свой английский автомат, обыскали труп (опять эта добрая, пеньятая у немецких хозяев педантичность! Не пропадать же добру! — Л.Л.), забрали бумажник с документами и деньгами, потом поехали дальше выполнять задание». И как! «Уехали все на велосипедах весело и с песнями, за велосипедистами грузовик с пулеметом на всякий случай».

Как и на Восточном фронте, во Франции власовцы честно отрабатывали немецкую махорку и делали это, как видим, «весело и с песнями». На странице 311 автор с плохо сдерживаемым восторгом описывает бой и разгром партизанских и канадских отрядов: «Русские бросились на штурм с бешеным криком ура... Они не останавливались ни перед густыми зарослями колючек, ни перед стрелками, засевавшими на деревьях, быстро их оттуда сняли и добились. Все, и макиссары и канадцы, боялись, что русские нападут на них ночью и спешно возводили баррикады и копали рвы вокруг лагеря... Ивонне (пленной французенке. — Л.Л.) можно было подумать о своих раненых, но их не было, все они были прикончены озверевшими русскими солдатами, мстившими

за смерть их любимого командира». Один вопрос. Если на Восточном фронте власовцы сражались за свободную, независимую Россию, против Сталина, то против кого они так яростно бились на Западном фронте, истребляя французов и канадцев? Почему не за страх, а за совесть отрабатывали немецкую пайку при подавлении восстания поляков в Варшаве? Об этом господа мифотворцы предпочитают помалкивать.

Одни русские, советские военнопленные бежали в то время из лагерей смерти, трудовых, концентрационных лагерей и в рядах «маки» сражались с немцами. Другие, власовцы, за миску похлебки выпущенные из тех же лагерей, убивали детей, священнослужителей, насиловали, жгли. А теперь у некоторых наших «радетелей демократии» возникает желание облагородить этот сброд. Представить их рыцарями борьбы за новую Россию, освободителями...

Вернемся, впрочем, к тексту книжонки и почитаем, как власовцы воевали уже на территории самого рейха против наших союзников по антигитлеровской коалиции, например канадцев. Оказывается, на совесть воевали: «Новости были неплохие: отбили уже два раза этих гадов, подбили два танка, ...жаль, нечем достать, нет пушек». Сам автор обошел врага с тыла и «бросил на них первую роту, убежали дьяволы». Напомним пикантную подробность: издание, опубликовавшее труд Герлаха, как раз канадское!

Да, власовцы под конец перецеголяли даже немцев. Когда, попав в мешок, истинные арийцы решают сдать союзникам в плен, герой-автор орет им в лицо: «Вы просто трусы! Я вам покажу, как надо умирать с честью!» Немцы его при этом очень пра-

вильно понимают: «Он ведь командует Восточным батальоном русских изменников».

Вступление в ряды власовской армии — шаг трудный. На фотографии, сделанной фронтовым немецким фоторепортером под Сталинградом летом 1942 года, за спинами немецких пулеметчиков хорошо видны лица русских пленных, согласившихся подносить немцам патроны к пулеметам. Пока они еще сами не стреляют по вчерашним товарищам, по «своим», но поднесенные ими ленты для MG несут смерть по другую сторону невидимой разделительной черты. Позже, в лагере, они выберут батон хлеба с куском сыра или колбасы и стакан водки, выйдут из строя и станут рядом с вербовщиками из РОА. Затем, переодетые в немецкие мундиры, принесут клятву Гитлеру. Но для новых хозяев всего этого недостаточно, и тогда их «повяжут» кровью, заставив убивать мирных людей. Не стоит идеализировать РОА и власовцев, «бесплатный сыр» им не грозил и свое содержание, как видим, они отработали сполна.

Г. Попов, запоздало требуя в книге «Война и Правда» непонятно от кого и непонятно какую «правду матку», дотошно перечисляет все категории «предателей». Господин Попов считает, что полицейские, «поддерживавшие порядок», — люди, из категории предателей выпадающие. Возможно, но далеко не все. Таких практически не было. Оружие немцы давали вовсе не для поддержания порядка, а для наведения вполне определенного «нового немецкого порядка». В том числе и для расстрела партизан, поимки и убийства прячущихся евреев, для карательных экспедиций. И тех, кто этого не понимал или выполнял свои обязанности вполсилы, без достаточного рвения, педантичные тевтоны просто расстреливали вместе с остальными. Или — чуть позже.

То же нужно сказать и о «националах», под категорию «предателей» не попадающих. Но как еще можно расценивать людей, остервенело сражавшихся с солдатами одной из стран антигитлеровской коалиции? СС — всегда СС. И шли они в СС после «школы» полицейских карательных отрядов, после убийств и грабежей на территории России, Белоруссии и Украины. После уничтожения еврейского населения, коммунистов и комсомольцев в собственных республиках.

Отступавшие вместе с гитлеровцами полицейские и «национальные» части в конечном счете оказались объединены с частями власовцев, и этот факт говорит о многом. Кстати, вдохновленный «отличной работой» власовцев во Франции, Гиммлер к концу войны решил большую часть из них перетянуть к себе под знамена СС. И ничего, власовцы «весело и с песнями» пошли под черные знамена СС.

Г. Попов задает в своей книге риторический вопрос: «Гитлер и нацисты объявили русских неполноценной расой. Ради ее порабощения началась война. А тут — оружие русским в руки? Вопреки Гитлеру?» Типичный пример того, что можно назвать «мифологической диалектикой». Игнорируется тот простой факт, что оружие русским гитлеровцы вручали буквально с первых дней войны: эмигрантам и перебежчикам в батальонах особого полка, а затем дивизии «Бранденбург-800», полицейским, карателям бригады Каминского и проч. Это ведь так просто и приятно уничтожать одних неполноценных «недочеловеков» руками других. Кстати, и в гетто немцами тоже создавались подразделения «еврейской» полиции. Их расстреливали последними. Кстати, сами немцы иностранные войска так до конца войны и продолжали именовать «туземными», а их солдат и офицеров — «паразитами». Очень точно и образно.

В «Предложениях Министерства по делам оккупированных восточных областей по структуре и персональному составу Русского (власовского) национального комитета» от 8 марта 1943 года генералу Власову отводилась роль председателя, а господина Каминского рекомендовали для выполнения преимущественно политических функций. Пару слов о сем достойном политике из окружения Власова. В качестве источника «вдохновения», дабы избежать обвинений в предвзятости, воспользуемся книгой «Waffen-SS. Hitler's Elite Guard at War 1939—1945», написанной профессором истории Колумбийского университета (США) Д. Г. Штейном. Бронислав Каминский — бывший советский инженер, бригаденфюрер СС, командир «Бригады Каминского». Эта бригада совершила многочисленные преступления на Восточном фронте против гражданского населения, особенно отличившись при подавлении восстания в Варшаве в августе 1944 года. Преступления в польской столице зафиксированы в многочисленных документах. Причем преступления эти были настолько бесчеловечными и жестокими, что даже представители немецкого командования писали в Берлин жалобы и рапорты.

Каминский настолько верно служил немцам в России, что удостоился чести возглавить некое полуавтономное образование на оккупированной территории, где терроризировал население вплоть до прихода Красной армии. Банда Каминского по штатной численности соответствовала боевой бригаде войск СС, имела на вооружении артиллерию и танки из числа советских трофейных, переданных благодарными хозяевами. При подавлении Варшавского восстания бригада Каминского была уже совершенно официально объединена с другими частями СС личным приказом Гимmlера.

Стараясь подтвердить свой новый «высокий» статус СС, люди Камин-

ского «трудились» изо всех сил: пленных повстанцев обливали бензином и сжигали заживо, грудных детей накалывали на штыки и выставляли из окон, как флаги, женщин вешали рядами вниз головой с балконов. В общем, выполняли, как могли, приказ своего рейхсфюрера, состоявший в том, что насилие и ужас прекратят восстание в считанные дни.

Преступления новоиспеченных эсэсовцев оказались настолько ужасными и шокирующими, что генерал-полковник Гудериан совместно с группенфюрером СС Фегеленом попросили Гитлера убрать людей Каминского и из Варшавы, и с Восточного фронта вообще. Последнее оказалось выполнено не полностью, бригада не была расформирована, и вскоре люди Каминского плавно влились в ряды РОА Власова. Судьба самого Каминского, по официальной немецкой версии, печальна — по приказу группенфюрера СС фон дер Баха-Залевски он был расстрелян. По другим сведениям, спокойно пережил войну и умер в преклонном возрасте в одной из арабских стран.

В начале войны Гитлер не желал слышать об участии в Восточном походе иных, «не немецких» армий, кроме финской. Но жизнь очень скоро поставила его перед необходимостью принять помощь и словаков, и венгров, и румын, и итальянцев, и испанцев. Точно так же произошло и с русскими. И слова мифотворцев о том, что Власов не желал идти на буксире у СС, — увы, только слова, мало кого способные обмануть. «Опасения относительно того, что Власов может в один прекрасный день использовать против нас то положение, что займет с нашей помощью, не имеет под собой основания», — авторитетно заявлял чиновник немецкого МИД Г. Хильгер, курировавший Власова и его «армию».

Гитлер в конце войны буквально исходил злобой, когда лучшее вооружение передавалось в формируемые «русские» эсэсовские части, минуя потрепанные в боях дивизии вермахта, но поделаться ничего не мог. Гиммлер обладал огромным влиянием и реальной властью. Не удивительно, что в книге «Waffen-SS» фотография Власова демонстрируется наряду с такими палачами, как Каминский и Дирлинвагер.

В свете всего этого умиляет неуклюжий пассаж Г. Попова: мол, Власов мог бы спокойно пересидеть войну в лагере — но решил бороться. Мог бы, но в лагере нет ни женщин, ни мягкой постельки, ни деликатесов. А всего такого, сладенького, очень хотелось, особенно женщин, до которых генерал был большой охотник. Вот и предпочел он держаться от нар подальше, пожил до петли красиво. Примитивные человеческие, чисто физиологические, животные побуждения Власова и всего его воинства понятны и объяснимы, но героизации и романтического флера отнюдь не достойны.

Современные мифотворцы не только обожают округлые, суммарные, обобщенные, гигантские цифры, в которых можно многое скрыть. Они еще предпочитают говорить не от себя лично, а от имени всего народа. Таков небезызвестный изменник Родины Резун (Суворов), таков и Г. Попов. «Народ — и соответственно армия — не хотели ни воевать, ни, тем более, умирать, за советский строй, за сталинский социализм, за диктатуру пролетариата». Вот так, прямо и честно, от имени всего народа, ни более, ни менее.

Получается, что все добровольцы, ушедшие на войну, все герои 1941-го и последующих годов — просто сказ-

ки, выдумки. Значит, сражаться за Гитлера шли с радостью, весело, с песнями, а за Родину — нет? Нет, господин Попов, если уж говорить правду — то всю. Одни сражались за Родину, за социализм, который, несмотря на все сталинские извращения и злодеяния, дал им многое, очень многое, за счастливую жизнь. Другие — за то, чтобы физически выжить, за хлеб с маслом, за ненависть к другим, не предавшим. Сражались и в силу холуйского, раболепного пресмыкательства перед властью сильного «сверхчеловека» — Гитлера. Как потом и ненавидели его за то, что не оказался таким уж «сверх», был повергнут в прах, не оправдал их холуйских надежд сытно жить в хозяйской тени.

В годы войны в плену оказалось множество бывших солдат, офицеров и генералов. Подавляющее большинство из них воинскую, офицерскую честь сохранили. До конца остался верен Присяге и Родине генерал Д. Карбышев. Светла его память. Его имя вечно будет источником вдохновения, поддержания духа патриотизма в среде армейской молодежи. И не только армейской.

Советский генерал П. Григоренко, генерал настоящий, боевой, прошедший войну, волей судьбы стал убежденным противником Советской власти — но не врагом советского народа. Он честно отказался от генеральских привилегий, прошел в брежневские времена круги ада, но Присяге никогда не изменил. Будучи честным человеком, Григоренко не предал боевых товарищей, не предал народ. Никто не посмеет бросить в него камень. Можно разделять или не разделять его взгляды, но нельзя не уважать его как личность. Он — подвижник и человек чести.

Не стали предателями и изменниками русские генералы Деникин и Врангель. Они выполняли Присягу так, как

понимали ее, оставаясь верны ей до конца. Даже тогда, когда ни Николая II, ни империи, ни даже Временного правительства не существовало. Их великие заблуждения, их благие помыслы, их боль о Родине — ныне достояние истории. Мы вправе не разделять их воззрений, но понять их можно и нужно. Их личности, в человеческом плане, вызывают уважение.

Не предал свой народ и «атомный генерал» академик Сахаров. Да, он бескомпромиссно боролся с пороками советской системы, как их понимал, но оставался до последнего дыхания патриотом страны. И умер с болью за ее

судьбу. С ним, с высказывавшимися им взглядами, тоже можно не соглашаться, можно спорить — но не уважать его нельзя.

По другую сторону барьера — те, кто перебежал к врагу, предал, нарушил Присягу. Они сами поставили себя по иную сторону некоей нравственной черты, объединяющей и Григоренко, и Карбышева, и Сахарова, и Деникина, и множество других. За границей невидимых красных флажков — немецкий генерал Власов, обер-лейтенант Владимир Герлах, разномастные власовцы, эсэсовцы, полицаи и каратели. ◆